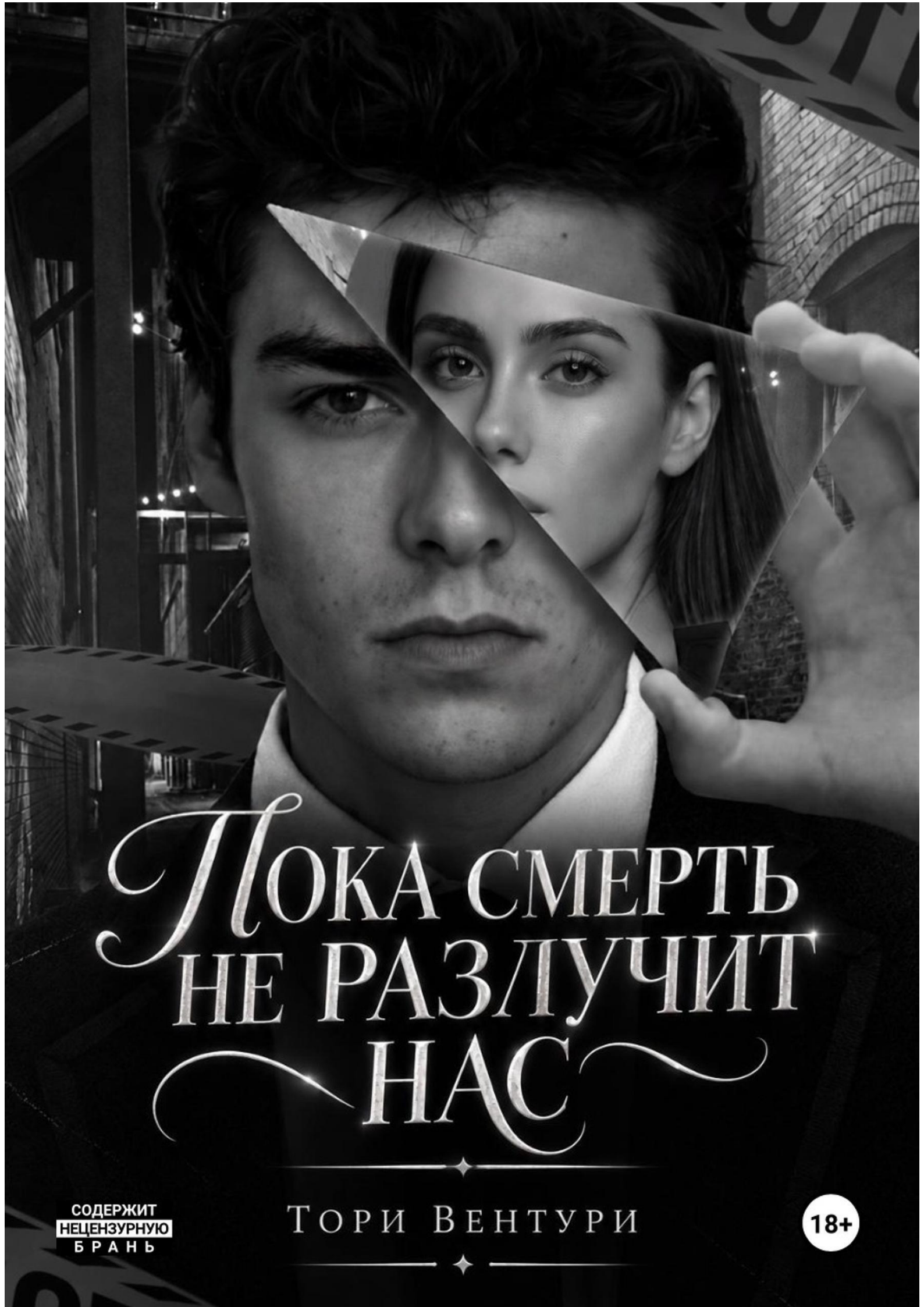

A black and white movie poster featuring a close-up of a young man with dark, wavy hair and a serious expression. A hand holds a large, sharp knife diagonally across his face, with the blade reflecting light. The background is a dark, industrial setting with brick walls and metal structures.

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТОРИ ВЕНТУРИ

18+

Тори Вентури

Пока смерть не разлучит нас

«Автор»

2026

Вентури Т.

Пока смерть не разлучит нас / Т. Вентури — «Автор», 2026

Я всегда считала, что хорошо умею скрывать свои секреты. Пока не вернулся он. Элиот Хилл является тем человеком, которого я знала задолго до того, как научилась притворяться, что мне всё равно и надевать маску холодного безразличия. Когда-то мы не могли находиться рядом, не бросив ядовитую колкость в сторону друг друга. Теперь же он смотрит на меня так, будто знает обо мне гораздо больше, чем должен. Я не понимаю, зачем он вернулся. Не понимаю, почему каждый его взгляд заставляет меня нервничать. И совершенно точно не понимаю, почему рядом с ним ледяной фасад безразличия мгновенно распадается на мелкие крупинки. Наверное, мне стоило насторожиться раньше. Особенно когда человек из твоего прошлого вдруг начинает слишком сильно интересоваться твоим настоящим.

© Вентури Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тори Вентури

Пока смерть не разлучит нас

Пролог

Звук, который выдернул меня из тяжёлого, липкого небытия, поначалу показался частью кошмара. Будто кто-то скрежетал ржавым гвоздём по стеклу внутри черепной коробки. Я застонала, не открывая глаз, и попыталась нащупать подушку, чтобы накрыть ухо, но рука наткнулась на пустые жестяные банки и пластиковые стаканы, с тихим шуршанием покотившиеся по полу. Точно, мое семнадцатилетие. В честь Дня рождения, мои друзья сняли дом и, позвав чуть ли не всю школу, устроили для меня вечеринку-сюрприз. Правда, дальше эта вечеринка стала похожа на сборище пьяных подростков, отрывавшихся на всю катушку. Какой позор. Почти ничего не помню.

На экране телефона исступленно мигает слово: «Мама».

Пальцы слушаются плохо, и чувствуются совсем чужими и ватными. К горлу подкатывает тошнота.

— Да... — хрипло выдавливаю, едва разлепив сухие, потрескавшиеся губы.

— Живо собирайся и поезжай домой, — голос матери звучит не просто строго, он будто был высечен из гранита. Ни капли тепла, ни тени расспросов о вчерашнем празднике. Это режет куда больше, чем лезвие. — Бабушка в реанимации. Инфаркт. Врачи ничего не гарантируют. Чтобы через полчаса твоя машина стояла у дома. Быстро, Оливия.

В трубке раздались короткие, бездушные гудки.

Мир вокруг стал еще более туманным, а сознание, отравленное алкоголем, отказывается вмещать в себя ужас этих слов.

Натягивая джинсы и толстовку, испачканную чем-то непонятным, в голове пронеслась мысль, что это может быть чьей-то рвотой. А может быть даже моей. Боже, фу. Я едва не падаю, запутавшись в штанинах. В голове звенит так, словно туда залили расплавленный свинец, а каждое движение отзывается тупой пульсацией в висках. Завязать шнурки удалось лишь с третьей попытки. Схватив ключи от машины, я словно пролетаю по лестнице, чуть не грохнувшись на последних ступеньках и, выйдя на утреннюю и еще темную улицу, вдыхаю утренний воздух, который тут же обжег легкие, но не помог протрезветь.

Двор встречает тишиной и длинными, уродливыми тенями от деревьев. Я почти бегу к своей машине, пока не встречаю вблизи, стоявшего и курящего очередную сигарету, Элиота. Почему он не спит? Его волосы были слегка растрепаны ветром, а в глазах читается все та же привычная, раздражающая уверенность. К моему сожалению, как бы я не пыталась противостоять этому, но в глубине души он является тем, о ком я думаю каждую ночь, сочиняя стихи, и тем, кого при встрече хотелось задеть сильнее всего. Просто чтобы скрыть, как бешено колотится сердце при его виде.

— Надо же, именинница соизволила воскреснуть, — Элиот окидывает меня насмешливым взглядом, заметив и бледное лицо, и дрожащие руки. Ну конечно же. — Выглядишь паршиво.

Обычно я бы нашла, что ответить, но сейчас внутри меня все горит от страха за бабушку и дикой головной боли, которая не утихает ни на миг. Защитный панцирь срабатывает автоматически, выпуская наружу привычную ядовитую колючесть.

— Не мозоль глаза, Элиот. Мне некогда выслушивать твой лай, — огрызаюсь я, пытаюсь обойти его, но пальцы, судорожно сжимавшие ключи, выдают меня с головой. — Или ты кара-

улишь меня с утра пораньше, чтобы оправдаться за то тупое признание? Его не оценила даже Рэйчел, держу в курсе.

Я ожидала, что он продолжит игру, но Элиот вдруг меняется в лице. На мгновение в его глазах мелькает что-то похожее на панику человека, чей самый главный секрет едва не вытащили на свет. Но в ту же секунду его губы трогает холодная, презрительная усмешка.

— Влюблен? В тебя? — он тихо, обидно хмыкает, глядя на меня сверху вниз. — Неужели ты могла подумать, что взаправду нравишься мне? Видимо, алкоголь последние мозги выжег. Спустись на землю, Оливия. Ты просто капризная богатая девчонка, которая привыкла, что весь мир крутится вокруг неё. Но, слава небесам, это меня не трогает. Ты для меня не больше, чем подруга девушки моего друга, который втянул меня в вашу тупую малолетнюю компанию.

Его слова ударяют наотмашь, попав в самую незащищенную часть души. В тайне она, глупо, по-детски надеялась, что, то вчерашнее признание было настоящим.

— Да пошел ты, придурок.

Едва сдерживая подступившие к глазам жгучие слезы, я дергаю на себя дверь машины, с грохотом захлопываю ее и завожу мотор. Самый худший день в моей жизни.

Машину нещадно швыряет по пустынной утренней дороге, а внутри салона пахнет мятной жвачкой, которой я пыталась заглушить перегар. Слезы обиды и злости застилают глаза, превращая лобовое стекло в размытый акварельный холст. Перед глазами стоит лицо Элиота и его издевательский голос. Ненавижу его, как же я ненавижу этого вшивого интеллектуала. Голова раскалывается, пульсируя в такт оборотам двигателя.

Ну же, быстрее, быстрее. Бабушка в больнице. А вдруг я не успею?

Я отвлекаюсь всего на секунду, чтобы смахнуть ладонью слезу, застилающую обзор.

Вспышка.

Маленький яркий силуэт вылетает на дорогу из за припаркованного минивэна. Девочка.

Время словно замедлило свой ход, как стрелка часов на севшем будильнике. Я помню, как моя нога судорожно вдавливая педаль тормоза в пол. Помню пронзительный, оглушительный визг резины об асфальт и самый страшный, глухой, ни на что не похожий удар, от которого содрогнулся весь кузов машины.

А после тишина. Абсолютная, звенящая.

Разум, парализованный ужасом и остатками алкоголя, затуманился окончательно. Дрожащими руками я толкаю дверь и буквально выпадаю из салона на холодный асфальт. Ноги подкашиваются, не удерживая вес тела.

В нескольких метрах перед капотом, на серой полосе дороги, лежит маленькое тело. Вокруг темных волос сплетается и стремительно растет темная, густая лужа крови, а чуть в стороне, сиротливо перевернувшись, лежит сломанная кукла. Ее пластиковая нога неестественно вывернута, а пластмассовое улыбающееся лицо испачкано алыми брызгами.

— Нет, нет, нет, пожалуйста, нет... — голос колеблется, как натянутая до предела струна, которая вот-вот лопнет.

Воздуха не хватает. Паника, чистая и первобытная, топит сознание. Я делаю шаг назад, затем еще один. Девочка не двигается. Твою мать.

Ноги несут меня назад в машину, где я запираюсь изнутри, тяжело и хрипотно дышу, словно загнанный зверь. Дрожащие пальцы кое-как разблокировали телефон и набирают номер экстренных служб.

— Служба спасения, что у Вас произошло? — в динамике раздается спокойный женский голос.

— Я... тут... девочка... — я словно задыхаюсь, а из глаз градом льются слёзы, пачкая экран. — На дороге... Кровь. Пожалуйста, быстрее... Она не двигается

— Вы ее сбили или стали свидетелем? Назовите точный адрес.

Голос оператора стал казаться судебским приговором. Перед глазами проносятся решётки, колония, разрушенная жизнь, крики матери. Ужас содеянного превысил остатки разума и, не дослушав, я сбрасываю вызов. В голове шепотом проносятся голоса.

Мерзкая, жалкая, ничемная.

Слова облепляют разум липким, удушливым роем, от которого невозможно отмахнуться.

Судорожно включив заднюю передачу, я объезжаю неподвижное тело по встречной полосе и, до упора выжав газ, мчусь прочь, оставляя за собой шлейф тормозного следа.

Уже не помню, как доехала до своего дома. Просто бросаю машину, перегородив въезд в гараж. Хотя и на капоте не было явных вмятин, но мне кажется, что вся машина теперь покрыта невидимой, несмываемой кровью. Я буквально вижу, как она капает на асфальт. Мерзость.

Врываясь в дом, с грохотом захлопываю входную дверь. Из кухни на шум вышли родители: мать, бледная, с собранными в пучок волосами, и отец, хмурый, скрестивший руки у груди.

Я падаю на колени прямо в прихожей, чувствуя, что меня колотит так сильно, что аж зубы стучат друг о друга, стирая эмаль. Косметика размазалась по лицу, а грязная толстовка мокрая от слёз и пота.

— Оливия? Что с тобой? Ты почему в таком виде? Что за шмотье? — начала было мать, но осеклась, увидев состояние дочери.

— Я... я её не видела... — будто завываю я, закрывая лицо руками. — Она выбежала... кукла... там кукла сломалась... Она в крови, мама! Я вызвала скорую, но я уехала... Я уехала оттуда! Мама, я убила её! — мой голос перешел на отчаянный крик.

Мать на секунду застыла, переваривая услышанное, а затем её лицо перекошилось от ярости и отвращения. Она делает шаг вперёд и, не жалея сил, влепляет мне звонкую пощечину.

— Ты дура? Ты конченная идиотка! Что ты натворила?! — мёртвой хваткой вцепляясь пальцами в мои плечи, наплевав на синяки и боль, она начинает остервенело, дико трясти меня из стороны в сторону, словно пытаясь выбить, вытрясти этот кошмар. — Ты понимаешь, что ты сделала с нашей семьёй?!

— Замолчи, Луиза, — резко, как выстрел, обрывает её отец.

Его лицо, обычно спокойное и деловое, превратилось в каменную маску. Он переводит взгляд на рыдающую на полу дочь, затем смотрит в окно на стоящую во дворе машину. В его глазах не было сочувствия к сбитому ребёнку, только холодный, точный расчёт человека, привыкшего управлять крупным бизнесом и связями. Финансист одним словом.

Отец подходит ко мне, схватив за плечо и помогает подняться на ноги.

— Умойся. Запрись в своей комнате и не подходи к окнам. Телефон отдай мне, — его голос звучит пугающе тихо и уверенно. — Никому ни слова. Ни одной живой душе. Я решу эту проблему.

Глава 1

Я вижу её уже шестой год.

Не каждую ночь. Иногда она исчезает на недели, а потом возвращается настолько внезапно, что я просыпаюсь с глухим, болезненным криком, застрявшим в самом горле, хотя вслух не произношу ни звука. Не хватает смелости и духа выпустить это наружу.

Вопрос почему она выбрала меня, как свою жертву, мучает меня каждый раз, когда вижу ее облик сквозь темноту своей спальни. Хотя, если быть честной, я знаю ответ на него. Просто не хочу об этом думать. *Не хочу вспоминать.*

Сегодня она стоит у окна. Маленькая, босая, в светлом платье, которое почти касается пола. Тёмные волосы собраны в аккуратную косичку, *ту самую косичку*, а на правом колене тонкая полоска засохшей крови. В руках она держит куклу с длинными спутанными волосами и оторванной левой рукой. Уверена, до того утра, это была самая красивая кукла на свете.

Я узнаю её сразу.

С некоторых воспоминаний невозможно стереть краску, даже если годами заливать их алкоголем, антидепрессантами и новыми людьми.

— Ты опять здесь, — говорю я, чувствуя, как ледяной зажим сковывает горло.

Она молчит.

За стеклом идёт дождь. Капли стекают, как шрамы, которые вода на мгновение рассекала на стекле, превращая ночной город в расплывчатое пятно из жёлтого света и мокрого асфальта. Я лежу, не шевелясь, и смотрю на неё из-под одеяла, стараясь убедить себя в том, что всё происходящее очередной сон.

У меня всегда получается почти поверить.

Почти.

Девочка опускает взгляд на куклу.

— Ты помнишь её?

Я сглатываю.

— Да.

— А меня?

Я ничего не отвечаю.

Она поднимает глаза.

Я ненавижу этот взгляд. Не потому, что в нём есть обвинение. Наоборот. Она никогда не выглядит сердитой. Будто злость слишком простое чувство для того, что осталось между нами.

— Ты обещала, — говорит она убаюкивающим голосом.

Я закрываю глаза, тяжело выдыхая горячий воздух.

— Не начинай.

— Ты обещала, — в ее голосе прорезывается жесткая стольная нота, не терпящая возражений.

— Я знаю.

Слова вырываются раньше, чем я успеваю остановить их.

В комнате становится холоднее, от чего я распахиваю глаза. Может и зря. Ведь передо мной, рядом с кроватью уже стоит она. *Слишком близко.*

Я вижу маленькую царапину у неё на виске, мокрые пряди волос, прилипшие к щеке, и серебряную цепочку на тонкой шее. Ту самую, которую я столько раз пыталась вспомнить, а после стереть из памяти.

— Ты сказала, что вернёшься за мной.

Мне становится трудно дышать. Перед глазами вспыхивает дорога. Фары. Мокрый капот и следы крови. Потрепанная кукла на асфальте. А после душераздирающий крик. Мой крик.

Я резко отвожу взгляд.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что тебя больше нет.

Тишина.

Когда я снова смотрю на неё, девочка улыбается. Но в ту же секунду радость на её лице внезапно застывает, а затем начинает разлагаться. Искренняя улыбка деформировалась, превращаясь в гротескную, уродливую массу, чуждую всякой симметрии. Мышцы лица забились в мелком спазме, стягивая кожу к подбородку, из-за чего рот искривился в неестественной, пугающей гримасе. Это больше не было человеческим выражением — это стало оплившей восковой маской безумия.

— А ты есть?

Кошмар обрывается, заставляя меня очнуться, распахнув глаза от дикого ужаса, пока мое сердце бешено колотилось о рёбра

Будильник звонит в семь тридцать.

Я выключаю его с третьей попытки, не открывая глаз, и ещё несколько минут лежу неподвижно. Буквально вчера этот звонок был для меня сигналом к бодрому старту, я легко сбрасывала одеяло и делала шаг в новый день, мечтая о чашке только что заваренного кофе. Теперь же собственное тело казалось отлитым из чугуна. Каждая мышца налилась свинцовой тяжестью, а одеяло давило на грудь тонной бетонных плит. Взяв волю в кулак, я все же поднимаюсь с кровати, ощущая то, какой тяжелой мне кажется собственная голова. На стене напротив висит фотография с прошлого лета. Лучшего лета, которое не терзало мои навязчивые мысли. На ней я, Рэйчел, а точнее моя лучшая подруга и ходячее безумие, и ещё несколько приятелей смеёмся на фоне Фолли-бич.

В детстве мы с родителями неизменно приезжали туда. Отец учил меня ловить атлантические волны, а мама ждала на берегу, бережно укутывая в полотенце согретые солнцем плечи. В тот момент я даже подумать не могла, что подобная ласка станет для меня чем-то далеким.

На снимке с друзьями я выгляжу так, будто никогда в жизни не знала, что такое бессонница. Мне нравится эта версия меня. Та, которая смеётся слишком громко, может накрасить губы красной помадой даже в самый повседневный день, спорит с преподавателями и может среди ночи написать друзьям:

«Собирайтесь. Город сейчас пустой и очень красивый, катаемся.»

Намного приятнее, чем та, которая каждую ночь просыпается от детского голоса.

Через час каблук ритмично цокает по деревянным ступеням, и этот звук отдается глухой болью в моей раскалывающейся голове. Я спускаюсь медленно, держась за перила крепче обычного. За спиной кошмарная, удушливая ночь, отголоски которой все еще заставляют сердце сжиматься. Я почти не спала, и внутри меня звенящая, изнуряющая пустота.

Мой внешний вид — это мой щит на сегодня. На мне любимые бежевые брюки палаццо и мягкий кашемировый джемпер. Утренний уют скользил по ткани с механической, почти терапевтической точностью, и эта идеальная, безупречная гладкость одежды — единственное, что сейчас держит меня в тонусе.

На макияж ушло больше времени, чем обычно. Пришлось потратить вдвое больше времени, чтобы плотным консилером скрыть темные круги под глазами и вернуть лицу свежий, сияющий тон. Немного геля на бровях, капля ягодного тинта на бледные губы. Глядя на себя в зеркало у подножия лестницы, я вижу элегантную, собранную девушку. Очерченную рамкой темных волос цвета молочного шоколада, со спокойным блеском ореховых глаз. Никто снаружи даже не догадается, какая буря бушует у меня внутри. Именно таким принципам меня научили родители. В мыслях, перекрывая звон в ушах, эхом отозвался отцовский голос.

— Прекрати этот скулѐж. Ты хоть понимаешь, сколько мне стоило замять это дело за один час? Ты не имеешь права раскисать, потому что на кону стоит честь нашей семьи.

Он прозвучал так резко и осязаемо, словно отец стоял прямо за моей спиной. Сердце пропустило удар, а по коже пробежал холодок — эта интонация никогда не предвещала ничего хорошего. Я делаю глубокий вдох и перешагиваю последнюю ступень.

На кухне никого. На кухонном острове меня уже ждѐт идеальный завтрак, заботливо приготовленный домработницей: воздушный омлет с идеально нарезанными томатами черри, хрустящие тосты из зернового хлеба и аккуратные ломтики авокадо, выложенные веером на фарфоровой тарелке. Рядом исходит паром чашка чёрного кофе.

Я опускаюсь на высокий стул, стараясь сохранить осанку. Аппетита совсем нет. Беру тёплую чашку обеими руками, словно пытаюсь согреться изнутри после пережитого ночного кошмара. Тонкий аромат арабики на мгновение притупляет головную боль. Я делаю первый, совсем крошечный глоток. Горячий напиток обжигает губы, но этот горьковатый вкус возвращает мне чувство контроля над собственным телом. Я пью кофе медленно, глядя в окно на просыпающийся город, и с каждым глотком заставляю себя забыть удушливый ночной образ, возвращая лицу привычное спокойствие.

На экране телефона несколько десятков сообщений.

Рэйчел напоминает о сегодняшней встрече, кто-то отправляет фотографию с вчерашней вечеринки, в университетском чате спорят из-за преподавателя, который вlepил всей группе неуд.

Обычная жизнь.

Я люблю обычную жизнь. В ней я не ощущаю себя сумасшедшей.

Телефон снова вибрирует. На этот раз сообщение приходит с неизвестного номера.

Неизвестный абонент:

Шесть лет назад ты разбила чужую жизнь на осколки. Ты думаешь, что время всё припорошило пылью? Зря. Некоторые осколки слишком острые, чтобы о них забыть. Скоро ты на них наступишь, Оливия Эшкрофт.

С лица мгновенно сходит едва наметившаяся улыбка. Взгляд застывает на глянцевом стекле. Я перечитываю строчку. Ещё раз. Мир вокруг теряет звуки, а время сгущается, превращаясь в липкий, осязаемый кошмар. Я ощущаю, как сильно начинает колотиться мое сердце. Из глубин памяти отрезвляюще и больно бьёт эхо отцовского голоса — тихое, безжалостное, как удар хлыста.

— С этого момента тебя там не было. На кону честь нашей семьи.

Кофе медленно остывает в руке, но я не могу пошевелиться. Тонкий фарфор кажется неподъемно тяжелым. Я не отвечаю. Удаляю сообщение. Блокирую номер. Движения доведены до автоматизма, но под безупречно выглаженным кашемировым джемпером, который еще минуту назад служил мне броней, тело сковывает первобытный, леденящий страх до дрожи.

И только после этого замечаю своё отражение в стекле, а за моим плечом стоит девочка, обнимая меня и уложив свою голову мне на плечо. Я резко оборачиваюсь. Никого. Только пустая кухня. Да какого черта вообще происходит?!

В университете я снова становлюсь собой.

Это получается почти автоматически, как щелчок переключателя. Воспитание Эшкрофтов, как обычно гордо говорит моя матушка.

Я смеюсь вместе с Рэйчел, которая рассказывает мне очередную кринж-историю с их свидания с Нейтоном.

— Ну ты прикинь, он реально мне доказывал, что хентай — это очень даже прикольная темка и что он был бы не против, если бы однажды я оделась, как аниме-девочка, — ее брови резко хмурятся, создавая смешную морщинку, а голос прерывается хихиканьем. — В общем, сегодня вечером ты идѐшь с нами, — говорит она, когда мы поднимаемся по лестнице.

— Куда?

— Туда, где можно будет найти тебе красивого парнишку на вечер, — она подмигивает, слегка толкая меня бедром.

— Очень убедительно, — я закатываю глаза от этой глупой идеи.

— В бар.

— Ещё убедительнее.

Она хватается меня за руку.

— Оливия, ты четыре дня никуда не выходила, я тебя не узнаю, — она театрально свела бровки домиком и преувеличенно грустно поджала нижнюю губу, изображая вселенскую грусть. Типичная Рэйчел.

— Я была занята.

— Чем?

Я улыбаюсь.

— Существованием в этом бренном мире.

— Ужасная причина.

— Я знаю, — губы изогнулись в полуулыбке.

Она смеётся, и я смеюсь вместе с ней.

Я почти верю, что всё действительно нормально, пока не захожу в аудиторию. Новый преподаватель уже стоит у окна. Я вижу его со спины. Тёмная рубашка, руки в карманах, наушники лежат на столе рядом с раскрытым ноутбуком.

Я не сразу узнаю его.

Сначала мне знаком только силуэт. Потом линия плеч. Потом он оборачивается и я чувствую, как внутри меня все проваливается.

Элиот Хилл.

Шесть лет. Я не видела его шесть лет.

После той аварии его семья уехала. Мне сказали, что это случайность и не нужно ничего надумывать. Мне в принципе говорили много чего, лишь бы я переставала подводить семью, но я почти ничего не спрашивала.

Элиот тоже исчез. Написал смску в общий чат, что его приняли в Стэнфорд, о котором он так мечтал. Я поверила. И больше ни разу за шесть лет ничего не слышала о нем.

Теперь он стоит в нескольких метрах от меня — уже не тот мальчишка, которого я помню по язвительным замечаниям в мой адрес, которые так раздражали меня, и дерзкой ухмылке. В нём осталось то же выражение лица, только теперь оно стало взрослее.

Между нами было метров пять, но меня обдало жаром. Он бесстыдно пялился на меня своими глазами цвета ночи и я сразу поняла, что он узнал меня в ту же секунду, как наши взгляды пересеклись. Шесть лет разлуки. Шесть гребанных лет я ничего не знала о нем, не слышала его язвительный тон и то, как он постоянно пытался поправить меня, привлекая внимание, стоило мне совершить мелкую ошибку. Его губы тронула едва заметная, чисто его, язвительная ухмылка, словно мы расстались только вчера после очередной ссоры. Он ждал мою реакции, и этот вызов во взгляде был слишком очевидным.

Он подходит ближе.

— Оливия Эшкрофт, — его голос звучал мягко, с вкрадчивой, почти кошачьей хрипотцой.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Элиот.

— Давно не виделись.

— Шесть лет.

— Ты имела ввиду пять лет, десять месяцев и тринадцать дней.

Я растерянно моргаю, чувствуя, как щеки обдаёт глупым, неуместным жаром. Он считал дни? Серьёзно? На секунду в груди вспыхивает что-то давно ставшим незнакомым, но его слишком пристальный взгляд быстро сбивает с меня спесь.

— Ого, — я заставляю себя тихо хмыкнуть. — Не знала, что ты считал дни с нашей последней встречи, — скрестив руки, мои губы тронула ядовито-сладкая ухмылка.

Он наклоняет голову набок. Его голос звучит безупречно мягко, с той самой ленивой, вкрадчивой хрипотцой, от которой по спине бегут иголки.

— Я всегда был силен в математике, Эшкрофт. Особенно когда дело касалось твоих ошибок, — он ухмыляется и эта чертова ухмылка вызывает во мне прилив злости, от чего я хмурю брови. — Сложно забыть день, когда меня наконец перестала донимать одна заносчивая девочка.

Он делает шаг ещё ближе, нарушая все границы личного пространства, и в его глазах вспыхивает тот самый невыносимый, азартный блеск, а после он лениво улыбается, обходит меня и садится за преподавательский стол, открывая крышку ноутбука так спокойно, будто только что не перевернул мой мир вверх дном.

Я остаюсь стоять посреди аудитории, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Он вернулся. Всё тот же невыносимый Элиот Хилл. Только теперь у него есть власть ставить мне оценки.

Глава 2

У меня всегда было две особенности, которые окружающие почему-то считали совершенно несовместимыми: отвратительная память на лица и феноменальная память на людей, которые меня раздражали до чертиков.

Элиот Хилл относился ко второй категории с самого первого дня нашего знакомства.

Я сижу на третьем ряду, лениво крутя ручку между пальцами, и смотрю на экран проектора, где уже несколько минут красуется таблица с какими-то коэффициентами, на которые я даже не хочу заострять внимания. Вчера вечером я бы, может, даже попыталась разобраться, что именно означает каждая строчка, но сегодня цифры расплываются перед глазами и совершенно не желают складываться в одну осмысленную картину.

— Как вы думаете, зачем психологу вообще нужна статистика? — спрашивает Элиот.

Вся аудитория многозначительно молчит. Кто-то на последнем ряду тихо вздыхает.

Я поднимаю глаза.

Он стоит у доски, небрежно прислонившись бедром к краю стола. Закатанные до локтей рукава рубашки обнажают четкие линии предплечий, а на запястьях хищно поблескивают все те же часы — их холодный металл я узнаю даже с последнего ряда. Несколько темных прядей лениво падают на лоб, разбивая его строгий образ. Его ноутбук открыт рядом, а на экране отражается график, который, по его мнению, должен был заинтересовать нас гораздо сильнее, чем собственная жизнь.

— Чтобы ваши дипломные работы не были одного уровня с сочинениями из разряда «Как я провел это лето», — отвечает он сам себе и смотрит на аудиторию с такой глубокой, экзистенциальной тоской, будто прямо сейчас созерцает крушение всей системы высшего образования в лицах сидящих перед ним студентов.

По аудитории проходит смешок.

Я не выдерживаю и улыбаюсь. Узнаю старого Элиота и его фирменный снисходительный тон, который чаще всего был обращен ко мне. С самого первого дня он выбрал меня своей главной мишенью, от чего я безумно злилась. Однажды, когда я решила похвастаться знаниями о натальной карте, которые вычитала в мамином женском журнале, соблазнительно лежавшем на ее столике, и заявила, что по знаку зодиака нашего общего знакомого сразу виден его сложный и взрывной характер, как Элиот тут же перетянул все внимание на себя и включил своего внутреннего душнила. Пока остальные спокойно пили пиво, иногда обращая на нас внимания: кто-то хмыкая, кто-то закатывая глаза с недовольством. Он же с невыносимо серьезным лицом принимался разносить каждое мое суждение в пух и прах.

Однажды Рэйчел не выдержала и решила высказать накопившееся раздражение наружу.

— Да вы издеваетесь?! Хватит! Прекратите этот цирк, у меня уже голова от вас раскалывается! — она яростно взмахивает руками, переводя взгляд с одного на другого, не давая им вставить ни слова. — Вы достали! Каждую божью минуту вы цепляетесь к словам, спорите из-за каких-то взглядов и интонаций! Вы ведёте себя как старая, глубоко несчастная супружеская пара, которая вместе лет сорок и искренне друг друга ненавидит!

Она делает глубокий вдох, её лицо горит от злости. Ткнув пальцем в сторону коридора, она устало произносит:

— Видеть вас вместе больше не могу. Сделайте одолжение всей компании: валите в свободную комнату, запирайтесь там и не выходите, пока либо не прибудете друг друга, либо наконец не поцелуетесь. Но избавьте нас от ваших семейных разборок!

Стоявший рядом Нейтон застывает в полном шоке от такого внезапного и мощного импульса своей девушки. Он мягко ловит её за руку, возвращая в «мирное» положение.

— Так, тормози, — вполголоса говорит он, сдерживая смех. — Не вмешивайся. Дай им позвонить, они же явно получают от этого удовольствие.

Он бережно затягивает её в свои объятия со спины, утыкаясь подбородком в плечо и подмигивает Элиоту, что не остается незамеченным для меня, от чего я кривлю лицо.

Тот после такой взбучки от Рэйчел еще несколько часов не доставал меня, но после, не выдержав, снова принялся портить мое настроение.

Выйдя из грез воспоминаний, я не могу удержаться. Уголки губ ползут вверх, и я тихо хихикаю, тут же уткнувшись в тетрадь, чтобы спрятать глупую улыбку.

В ту же секунду в аудитории становится непривычно тихо.

Элиот замечает мой внезапный порыв веселья. Конечно же замечает.

Его строгий взгляд лениво скользит по рядам, прохаживаясь по студентам, и резко останавливается на мне. Он пристально вглядывается в мое лицо, а в глубине его темных глаз на долю секунды вспыхивает знакомое, чисто мальчишеское озорство. Кончики его губ едва заметно подергиваются, но он мгновенно возвращает себе маску невозмутимого профессора.

— Хотя некоторые здесь, судя по всему, предпочитают интуитивный подход.

Студенты вокруг начинают оборачиваться, вытягивая шеи, чтобы посмотреть на нарушительницу спокойствия. Но я даже не думаю тушеваться. Справившись со смехом, я откидываюсь на спинку стула и медленно поднимает одну бровь, принимая вызов. В моих глазах горит ответный, дерзкий огонек.

— А некоторые слишком любят считать себя умнее остальных, — также спокойно парирую я, глядя прямо на него и не стесняясь подобной наглости по отношению к «преподавателю». Боже, он же даже не психолог по образованию.

В аудитории становится тише.

Рэйчел рядом со мной прикрывает рот ладонью, пытаясь скрыть улыбку.

Элиот смотрит на меня несколько секунд.

— Я никого не называл по имени.

— Я тоже.

На его губах появляется едва заметная улыбка. Ну конечно. Шесть лет прошло, а Элиот Хилл всё ещё смотрит на меня так, будто наши старые перепалки закончились только вчера.

— Хорошо, Эшкрофт, — произносит он, возвращаясь к экрану. — Тогда продолжим без ваших ценных комментариев.

Я лишь закатываю глаза.

Рэйчел тут же толкает меня локтем в бок, одаривая такой игривой улыбкой, от которой мне становится искренне мерзко. В её хитрых глазах так и пляшут чертики, и я точно понимаю, о чём сейчас пойдёт речь. Эта сводница просто физически не может промолчать.

Она наклоняется ближе, обдавая меня шепотом.

— Вы точно друг друга терпеть не можете?

Я даже не поворачиваюсь в её сторону. Мой взгляд всё ещё прикован к застывшему у доски Элиоту, а пальцы с силой сжимают пластиковый корпус ручки.

— Абсолютно, — цежу я сквозь зубы, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально убедительно и твердо.

Рэйчел тихонько хмыкает. Она подпирает подбородок ладонью и демонстративно переводит взгляд с меня на него, словно забавляясь нашей нелепой пикировкой.

— Выглядит неубедительно.

Напряжение между мной и брюнетом, кажется, уже можно потрогать руками и получить разряд током, а ее излишнее внимание сейчас нужно мне меньше всего. Чувствуя, как к щекам приливает жар, я наконец поворачиваю к ней голову и предупреждающе сужаю глаза.

— Рэйчел.

В моем тоне звучит столько неприкрытой угрозы, что подруга мгновенно поднимает ладони вверх в примирительном жесте, хотя её губы всё ещё растянуты в довольной ухмылке.

— Молчу, — беззвучно шепчет она и демонстративно утыкается в свой чистый конспект. Я снова смотрю на доску.

На этот раз пытаюсь сосредоточиться.

Элиот объясняет нам корреляционный анализ, приводит какой-то пример из исследования поведения подростков, а затем переключается на программу, в которой показывает, как обрабатываются результаты психологического тестирования. Всё это он делает настолько легко, будто статистика действительно может быть интересной.

И это раздражает меня ещё сильнее.

Проходит ещё несколько минут.

И тогда начинает болеть голова.

Сначала с едва заметной, глухой тяжести где-то глубоко за правым виском. Я почти не обращаю на это внимания, списывая всё на усталость. После сегодняшней кошмарной ночи это в общем-то неудивительно.

Я начинаю сжимать виски подушечками пальцев, прикрывая глаза и стараясь хотя бы немного уменьшить нарастающую боль. Почти незаметный жест, но от внимательного взгляда подруги ничего не скрывается.

— Всё нормально? — едва слышно шепчет Рэйчел, наклоняясь ко мне.

— Да, — отрывисто роняю я, не желая развивать тему.

— Уверена? — в её голосе звучит явное сомнение.

— Конечно.

Она недоверчиво смотрит на меня, сощулив глаза, но, к счастью, больше ничего не спрашивает и отворачивается.

Я снова с трудом поднимаю глаза, заставляя себя сфокусироваться на преподавателе. Элиот стоит спиной к доске, подперев её бедром. Он расслабленно держит в руке маркер и что-то увлеченно рассказывает аудитории о концепции статистической значимости, чертя линии на пластиковой поверхности. Его голос звучит ровно и уверенно.

А прямо за его плечом, соткавшись из полумрака у доски, внезапно появляется она. Девочка из моего самого страшного кошмара.

У меня мгновенно перехватывает дыхание, а сердце пропускает удар. Нет, пожалуйста, только не это.

Она стоит совершенно неподвижно, бледная, почти прозрачная на фоне белой маркерной доски. Простое светлое платье, чуть испачканное по подолу, уже знакомое мне, аккуратная но слегка растрепанная косичка, абсолютно босые ноги на грязном линолеуме аудитории, и старая, потрепанная кукла, которую она крепко прижимает к себе маленькими руками. Она выглядит также, как и всегда.

Мир вокруг оглушительно замолкает. Я больше не слышу ни единого слова из лекции, ни скрипа ручек соседей, ни шороха переворачиваемых страниц. Вся огромная университетская аудитория вместе со студентами словно стремительно отодвигается куда-то далеко, сжимается до размеров крошечной точки и исчезает, оставляя в этой звенящей пустоте только её и меня.

Девочка смотрит прямо на меня, в упор, внимательно и неотрывно. Да она даже не моргает, черт бы тебя побрал!

На этот раз в её огромных глазах нет привычной, пугающей печали. Наоборот, её губы медленно раздвигаются, и она улыбается. От этой чистой, детской улыбки у меня внутри всё сковывает неподдельным ужасом.

Я из последних сил крепче сжимаю пластиковую ручку, чувствуя, как пальцы немеют, а ногти больно впиваются в ладонь.

Нет.

Только не здесь, черт возьми.

Только не сейчас, когда вокруг столько людей.

Уйди же.

Я судорожно, с силой моргаю, заставляя себя разорвать этот зрительный контакт.

Она исчезает. Пропадает так же мгновенно, как и появилась, оставив после себя лишь пустой угол у доски.

Я шумно выдыхаю сквозь плотно сжатые зубы. Дрожащими пальцами провожу ладонью по взмокшему лбу, стирая холодный пот, и отчаянно пытаюсь вернуть ускользающее внимание к происходящему в реальности.

Элиот всё ещё говорит. Его губы шевелятся, он жестикулирует, продолжая объяснять материал, совершенно не подозревая, что происходило у него за спиной секунду назад.

Тяжело выдыхая, я прикрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Но радоваться рано. Через несколько коротких, мучительных секунд я снова вижу её.

Теперь она стоит гораздо ближе к кафедре. Почти вплотную к нему, заходя сбоку. Её маленькая, бледная ладошка призрачной невесомостью ложится прямо на талию Элиота, поверх его темного пиджака.

От этого зрелища меня прошибает током, и я резко, с глухим стуком выпрямляюсь на своем стуле.

В ту же секунду Элиот мгновенно замолкает, обрывая фразу на полуслове. Ощув ли мой резкий рывок, или уловив перемену в воздухе, он резко оборачивается к рядам.

Он смотрит прямо на меня.

Не на Рэйчел, которая сидит рядом.

И не на остальных замерших студентов.

А на *меня*.

Его глаза немного сужаются, сканируя мое побелевшее лицо и застывший взгляд. Он что-то замечает. Будто ловит ту невидимую волну паники, которая исходит от меня, и я отчетливо понимаю это по внезапно переменившемуся выражению его лица.

Он не понимает, что именно происходит в этой комнате. Но он слишком хорошо меня знает, чтобы заметить, что со мной прямо сейчас творится что-то, чего ранее за мной он не замечал.

— Оливия? — с едва уловимой тревогой в голосе произносит он, делая полшага вперед от доски.

Я не могу ответить. Горло словно залили цементом.

Пока он смотрит на меня, стоявшая рядом с ним девочка медленно, неестественно плавно поднимает свою свободную руку. Тонкий детский пальчик указывает сначала на Элиота. Потом переводится в мою сторону, целясь прямо мне в грудь.

А затем её губы шевелятся, и она беззвучно шепчет то, чего я, к счастью или к несчастью, не слышу.

Я чувствую, как по спине крупными каплями пробегает ледяной, осязаемый холод, от которого волосы на руках встают дыбом. Хватит. С меня, черт возьми, хватит.

— Эшкрофт? — уже громче и требовательнее окликает меня Элиот, видя, что я окончательно выпала из реальности.

— Мне нужно выйти, — мой голос звучит хрипло, как-то по-чужому.

Я поднимаюсь со своего места так резко и импульсивно, что тяжелый деревянный стул с жутким, пронзительным скрипом отлетает назад, проехавшись ножками по полу.

Несколько человек на соседних рядах испуганно оборачиваются на этот шум, неодобрительно качая головами. Элиот не двигается с места. Он так и остается стоять у доски, провожая меня взглядом. Только смотрит. Слишком внимательно, пытаюсь прочесть по моим глазам разгадку.

Не в силах больше выносить этот удушающий коктейль из страха и его присутствия, я вслепую хватаю со стола сумку, сгребая вещи, и буквально вылетаю из душной аудитории, едва не выломав дверь.

Рэйчел, шумно выругавшись, выскакивает следом и догоняет меня уже в пустынном коридоре, когда я быстрыми шагами направляюсь к лестнице.

— Оливия! — кричит она мне в спину, хватая за ремень сумки и заставляя развернуться. — Стой ты!

— Всё нормально, Рэйч, — вру я, даже не глядя ей в лицо и пытаюсь унять дрожь в руках.

— Ты сейчас серьёзно? — подруга разводит руками, её лицо перекошено от искреннего недоумения и страха за меня. — Какое «нормально»? Ты свое лицо вообще видела? Да на тебя без страха не взглянешь.

— Просто голова болит, — шмыгаю я носом, ускоряя шаг. — Слишком сильно давит на виски.

— Оливия, господи, да ты выглядела так, будто только что вживую увидела привидение! Я останавливаюсь и на секунду смотрю на неё.

— Не говори это слово.

Рэйчел хмурится, явно не понимая о чем идет речь.

— Какое еще слово? Да что с тобой происходит?

— Забей.

Я разворачиваюсь на каблуках и продолжаю идти по гулкому коридору, почти физически пытаюсь убежать от собственного страха.

За моей спиной с тихим щелчком открывается тяжелая дверь аудитории. По кафельному полу эхом разносятся уверенные, быстрые шаги. Я не оборачиваюсь. Мне это совершенно не нужно. Я и так слишком хорошо знаю, кто именно идет следом. Этот ритм шагов я способна узнать из тысячи. Рэйчел, закатывая глаза, идет к лестнице, показывая мне жестом, чтобы я ей позвонила. И я знаю, что сделать мне это нужно, желательно, в течение пяти минут.

— Оливия, — раздается его голос, в котором сейчас нет и капли лекторской мягкости, только приказ.

Я лишь упрямо ускоряюсь, сильнее вцепляясь в ремень сумки.

— Эшкрофт! — уже жестче окликает он, и в его тоне проскальзывает опасное нетерпение.

— Я тебя прекрасно слышу, — бросаю я через плечо, даже не думая замедлять шаг.

Он догоняет меня у самой лестницы, буквально вырастая на моем пути и перекрывая проход к ступеням. От него пахнет дорогим парфюмом, кофе и едва уловимой мятной жвачкой.

— Что произошло? — Элиот скрещивает руки на груди, сверху вниз разглядывая меня. Я наконец оборачиваюсь, вынужденная остановиться, и вскидываю подбородок.

— Ничего.

— Тогда почему ты выбежала с моей пары посреди лекции? — Его голос обманчиво спокоен, но в глазах застыло опасное напряжение. — Решила, что правила посещения писаны не для тебя или что я буду делать тебе поблажки? Черта с два.

— Потому что у меня раскалывается голова, — с призрением произношу я, глядя прямо в его темные, непроницаемые глаза. — Или мне нужно было получить твое письменное разрешение на мигрень?

Он смотрит на меня несколько долгих, невыносимых секунд, словно пытается заглянуть под черепную коробку и вытащить оттуда всё, что я так тщательно прячу.

— Это всё?

— А что ещё, по-твоему, должно быть? Мое внезапное раскаяние в том, что я перебила твою гениальную речь о статистике, будто бы это не знают даже первокурсники?

Элиот молчит. Но его взгляд стремительно меняется. Он становится странным. Густым, пугающе внимательным, изучающим. Таким, каким он никогда не смотрел на меня раньше, словно хищник, который наконец напал на след, который искал долгие годы. И под этим взглядом мне становится по-настоящему не по себе. В глубине его зрачков на секунду вспыхивает что-то темное и глубоко личное. Что-то, что он скрывает за маской безупречного профессора.

— Ты видела что-то, — негромко, но поразительно уверенно говорит он. Это не вопрос. Он утверждает.

Я чувствую, как внутри всё болезненно сжимается в тугой узел, а сердце делает бешеный кувырок, но я заставляю свои губы растянуться в фальшивой усмешке.

— Что? Вспышки перед глазами от мигрени?

— Когда ты смотрела на меня, — он игнорирует мою попытку отшутиться. — Ты смотрела не на меня, Оливия. Ты смотрела мне за спину и ты была в ужасе. Почему?

Я натянуто качаю головой, маскируя дрожь пальцев.

— Тебе прям очень хочется верить, что ты меня задеваешь, да, Хилл? Я просто смотрела в одну точку, ужасаясь своей головной болью. Так что разочарую тебя, твоё эго работает куда лучше, чем ты сам.

— Я не об этом.

— А я именно об этом, — отрезаю я, делая шаг назад, чтобы вернуть себе хоть каплю личного пространства.

Но он не позволяет. Он делает шаг ближе, сокращая расстояние между нами до опасного минимума, так что я чувствую жар, исходящий от его тела.

— Оливия.

— Не называй меня так, — мой голос становится жестче.

— Почему? — в его глазах проскальзывает едва заметная, жестокая усмешка. Он словно наслаждается тем, как близко подошел к моей невидимой черте.

— Потому что мы не друзья. И этот цирк мне уже крайне надоел.

Его лицо на секунду становится совершенно непроницаемым, словно высеченным из камня. Взгляд леденеет, а челюсть едва заметно сжимается. Ему не нужно напоминать о том, кто мы друг для друга сейчас. Он помнит об этом каждую секунду, когда смотрит на меня.

— Никогда ими и не были, — почти невесомо с холодным безразличием произносит он. Эти слова почему-то бьют под дых и задевают сильнее, чем должны были.

Я резко отворачиваюсь, пряча вспыхнувшие глаза.

— Тогда тем более не лезь ко мне. Веди свои лекции и делай вид, что меня не существует.

Я разворачиваюсь и быстро сбегая вниз по лестнице, больше не оглядываясь.

На улице свежий воздух почти сразу помогает прийти в себя. Легкие наполняются прохладой, вытесняя спёртый запах университетских аудиторий. Мы с Рэйчел выходим на широкие каменные ступени, и я запрокидываю голову, подставляя лицо порывам ветра, который приятно освежает пылающие щеки.

— Сегодня вечером всё-таки идём в бар, — заявляет Рэйчел беззаботным, но совершенно не терпящим возражений тоном, поправляя лямку своей сумки.

— Ты не сдаёшься? — я слегка поворачиваю к ней голову, приподняв бровь.

— Никогда.

— А Нейтан знает, что ты решила вытащить меня из дома?

— Он сам тебя вытащит, если понадобится, — она лукаво улыбается, одаривая меня самым невинным взглядом.

Я закатываю глаза, усмехаясь.

— Вы двое невыносимы.

— Невыносимые и счастливые, — она мгновенно берет меня под руку, сжимая мое предплечье, и ее голос становится чуть мягче. — И тебе тоже не помешает немного счастья. Как там говорят, счастье в вине?

— Вообще-то, истина в вине, — с торжествующей улыбкой заявляю я, искренне радуясь тому, как ловко и изящно только что исправила подругу. Но в этот же миг я замечаю знакомую, до боли привычную фигуру возле парковки.

Нейтан.

Он стоит, прислонившись широкой спиной к капоту своей машины, слегка скрестив ноги в лодыжках, и что-то увлеченно рассматривает в телефоне. Его русые кудри слегка треплет ветер. Но стоит ему только поднять глаза и увидеть Рэйчел, как его лицо мгновенно расплывается в широкой, искренней улыбке, от которой вокруг глаз собираются мелкие лучики. Он отрывается от телефона, убирает его в задний карман джинсов и отталкивается от капота. Студенты вокруг будто перестают для него существовать. Взгляд Нейтана намертво прикован к Рэйчел, а на губах играет та самая предвкушающая, слегка лукавая улыбка.

— Привет, девочки. — его голос звучит мягко сквозь шум толпы.

Рэйчел улыбается в ответ и ускоряет шаг.

Нейтан делает пару шагов навстречу, бережно обнимает её за плечи и легко касается губами её макушки.

— Я скучал.

— Мы не виделись три часа, Нейт. — она шутливо колотит его кулаком по плечу, но глаза искрятся нежностью. Это мило, хоть я и не скажу им об этом.

— И это было слишком долго.

— Господи, — я качаю головой, смотря на эту сцену с безуспешно скрываемой теплотой, — Вы отвратительны.

— Ты просто завидуешь, — Нейтан наконец бережно опускает Рэйчел на землю, но тут же переключает внимание на меня и раскрывает объятия. — Иди сюда.

— Нейтан, даже не—

Поздно.

Рывком, которому невозможно сопротивляться, он притягивает меня к себе одной рукой, а другой снова загребает Рэйчел, стискивая нас обеих в каких-то медведеподобных тисках. От него веет древесным парфюмом и той неугомонной энергией, которая всегда вокруг него витает.

— Вот. Теперь полный комплект.

— Отпусти меня, идиот, — бую я ему в куртку, хоть и чувствую, как губы сами расплываются в улыбке.

— Нет, — со спокойным тоном отвечает он.

— Нейтан!

Рэйчел громко смеётся, безуспешно пытаясь вырваться из его капкана.

И именно тогда с тяжелым глухим стуком открывается массивная дверь университета.

Мой взгляд автоматически перемещается на этот звук, и сердце пропускает ударившую по ушам дробь.

Я вижу Элиота. Опять он. Лекция уже успела закончиться?

Он выходит на улицу, держа в одной руке открытый тонкий ноутбук, на ходу вчитываясь в строчки на экране.

На мгновение его взгляд отрывается от экрана и останавливается на нас. На нашей хаотичной, шумной кучке. Словно мы снова подростки.

Потом на Нейтане.

Лицо Элиота меняется едва заметно: брови дрогают, уголок губ нервно дергается, а в глазах на долю секунды вспыхивает нечто сложное, непонятное, скрытое за привычной маской

равнодушия. Кажется, я даже вижу, как уголки его губ приподнялись. Но он слишком быстро гасит эту эмоцию, хотя я успеваю её заметить.

— Элиот! — Нейтан тут же моментально отпускает нас, абсолютно забыв про свои «медвежьи объятия», и широким шагом направляется к нему.

На его обычно взрослом лице появляется совершенно детская, восторженная улыбка.

Элиот едва успевает хлопом закрыть ноутбук и прижать его к груди, прежде чем Нейтан налетает на него и заключает в крепкие, почти сбивающие с ног объятия.

— Отвали, — спокойно, без единой капли настоящей злости говорит Элиот, уткнувшись подбородком в плечо Нейта,

— Шесть лет тебя не видел, а ты всё такой же противный душнила!

— Мы виделись вчера, придурок.

— И что?

Нейтан с силой хлопает его по спине, отчего Элиот чуть кашляет, тяжело вздыхает, но я вижу, как в уголках его губ затаилась едва уловимая, но настоящая, теплая улыбка. Такая, какую он показывает только Нейтану.

Вот только когда Нейтан отпускает его и оборачивается к нам, улыбка Элиота мгновенно тает. Он снова становится серьёзным, недоступным и холодным.

— Оливия, — произносит Нейтан, переводя взгляд с меня на Элиота и будто только сейчас замечая очевидную напряженность между нами. — Так вы уже успели пересечься?

— К сожалению, — скрещиваю руки на груди я, чувствуя, как внутри снова закипает привычное защитное раздражение.

— Он заменяет нашего препода по математическим методам в психологии, — довольно сообщает Рэйчел, с интересом наблюдая за нашей перепалкой.

— Ого, какие новости! — Нейтан свистит, упирая руки в бока. — Еще не успели друг на друга наброситься?

— Не преувеличивай, — сухо говорю я, поджав губы.

Элиот смотрит прямо на меня, полный внимания к каждому движению, и его в его глазах горит тихий вызов.

— Она преуменьшает.

— А ты всё такой же невыносимый, — в ту же секунду ему отрезаю я.

— А ты всё такая же заносчивая.

— Боже, — Рэйчел закрывает лицо ладонью, но я слышу смешинки в ее голосе. — Прошло столько времени, а они до сих пор ведут себя, как подростки.

Нейтан громко смеется, качая головой.

— Ничего не изменилось. Вроде взрослые уже, а так и не можете признаться.

Я замираю и от чего-то мне стало очень тревожно. Смотрю на Элиота и его взгляд тоже прилеплен ко мне. И в нем на мгновение проскальзывает тень чего-то темного, неоконченного. Будто бы он угрожает мне, не говоря и слова.

И почему-то от этой простой, брошенной невзначай фразы Нейтана внутри становится невыносимо.

Ничего не изменилось.

Если бы он только знал, насколько это неправда. Если бы они все знали, сколько всего рухнуло и изменилось навечно между нами за эти годы. Они не знают.

Но вместо этого, стряхивая с себя оцепенение, я лишь произношу:

— В чем признаться?

Нейтан театрально закатывает глаза и ухмыляется в своей манере, качая головой.

— Не думай, что я поверю в то, что вы не можете друг друга терпеть.

Я уже открываю рот, чтобы выдать колкий ответ, который окончательно закроет эту тему, как у самого тротуара с резким, привлекающим внимание визгом тормозов останавливается яркий вишневый кабриолет.

Музыка из салона оглушительно бьет по ушам. Это что, Тейлор Свифт? Дверца машины моментально открывается, и из нее буквально вылетает эффектная блондинка. На ней короткий бежевый тренч, подчёркивающий длинные точеные ноги, черные скинни джинсы и такого же цвета ботинки, а ее платиновые волосы красивой волной рассыпаны по плечам.

— Эли! — звонко, на всю парковку капризно-радостным голосом кричит она. От этого визга я слегка кривлю лицо.

Девушка на высоких каблуках стремительно подбегает к нам, полностью игнорируя меня, Рэйчел и даже Нейтана. Она буквально налетает на Элиота, обвивает руками его шею и, приподнявшись на цыпочки, звонко и безмятежно целует его прямо в щеку, оставляя на бледной коже след от яркой помады.

— Ты долго! Я заждаюсь в машине! — лепечет она, абсолютно не замечая наших заинтригованных взглядов.

Элиот даже не пытается её оттолкнуть. Он лишь бережно придерживает её за талию, чтобы она не оступилась на каблуках, и его пальцы привычно ложатся на её бедро.

Воздух на парковке застывает.

Нейтан замирает с полуоткрытым ртом, переведя ошарашенный взгляд с блондинки на Элиота. Рэйчел медленно опускает руку от лица, и её глаза становятся размером с блюдца.

Но сильнее всего шок накрывает меня.

Блондинка тем временем ничуть не смущается паузы. Она с наигранной грацией поправляет идеальные волосы и одаривает нас с Рэйчел коротким, скользящим взглядом, будто мы — просто элементы университетского пейзажа.

— Эли, ну мы едем, я уже устала ждать тебя на этой тухлой парковке, — она капризно надувает губы, ткнув его за рукав пиджака. — Ты обещал, что мы заскочим за кофе перед галереей.

— Едем, Вивьен. Подожди минуту, — мягко, но ощутимо отстраненно отзывается Элиот. Почему-то его тон кажется намного холоднее, чем когда он брызгается ядом. Или может мне просто показалось.

Он аккуратно снимает её руку со своего плеча, отступая на шаг. Но не для того, чтобы увеличить дистанцию с ней, а чтобы развернуться к нам.

Первым от ступора отходит Нейтан. Он переводит взгляд с вишневого кабриолета на девушку, а затем в упор смотрит на Элиота. На его лице смешиваются крайнее изумление и какая-то звенящая озадаченность.

— Элиот? — Нейтан чешет затылок, приподнимая бровь. — Это кто? Ты нас даже не познакомишь?

— Вивьен, — спокойно и без единой эмоции в голосе произносит Элиот, указывая на неё, — Вивьен, это Нейтан, мой старый друг. А это... — его взгляд на мгновение перескакивает на Рэйчел и, наконец, медленно, с особой введливостью останавливается на мне. — ...Оливия и Рэйчел. Мои студентки.

Студентки?

Слово звучит как пощёчина. Да он просто подлец и подонок, как смеет называть нас всего лишь студентками, когда нас связывает намного большее, чем просто один день в университете?

Я чувствую, как ногти до боли въедаются в ладони через тонкую ткань куртки, но я изо всех сил держу лицо, отказываясь показывать хоть капли того хаоса, который сейчас разрывает мою грудь и смотрю ему в глаза, надеясь выжечь их.

И тут Элиот говорит то, от чего у меня перехватывает дыхание.

— Оливия, — его голос понижается на полтона, становясь бархатным и обманчиво-заботливым, отчего у меня по коже пробегают мурашки, — Ты так бледнеешь каждый раз, когда видишь меня. Тебе стоит чаще бывать на свежем воздухе, а то ещё упадешь в обморок прямо на лекции.

Наглый самодовольный тип.

— Еще чего? — выдавливаю я из себя с безупречной, ровной улыбкой, хотя в горле встает сухой ком. — Мне просто интересно, под какой маской ты прячешься сейчас? За эти несколько часов я увидела в тебе столько образов, сколько не видела за шесть лет.

Его ухмылка на мгновение дергается, теряя свою безупречность, а темные глаза впиваются в меня с новой силой.

— Кажется, ты просто плохо меня знаешь, — тише отвечает он. — Потому что я отлично помню кто я и всё, что было. В отличие от тех, кто предпочитает делать вид, будто ничего не случилось. — Он делает шаг ближе. — Уверена, что у тебя самой нет секретов?

— Ребята... — осторожно подает голос Рэйчел, переглядываясь с Нейтаном.

— Нам пора, — перебивает ее Вивьен, снова втискиваясь между нами и без церемоний принимая Элиота под руку. — Эли, машина заведена, ну же!

Элиот переводит взгляд на блондинку, затем снова на меня. Ухмылка возвращается на его лицо, но теперь она кажется абсолютно непроницаемой броней.

— Увидимся, Оливия, — роняет он, поворачиваясь к машине. — И не забудь подготовить домашнее задание. Поблажек не будет.

Да кем он себя возомнил вообще, придурок несчастный?

Они уходят к кабриолету. Элиот обходительно открывает перед блондинкой дверцу, а сам садится за руль. Разве это не ее машина? Спустя секунду они с ревом выезжают с парковки, оставшая за собой лишь запах дорогого парфюма и выхлопных газов.

Мы остаемся стоять на ступенях.

— Ну и ну... — тихо протягивает Нейтан, смотря вслед уехавшей машине, — Не думал, что Элиот будет встречаться с кем-то, кого когда-то презирал. И почему он ведет себя с тобой как козел?

— Будто бы он не всегда себя так вел, Нейт, — тихо, но твердо говорю я, хотя голос предательски дрожит, — вот уж и правда, что-то точно не изменилось.

Рэйчел берет меня за руку и сжимает мои холодные пальцы.

И именно в этот момент телефон в моем кармане коротко вздрагивает. Я медленно достаю мобильный, думая, что это очередное уведомление от старосты или банковское приложение. Экран вспыхивает. Только не это.

Неизвестный абонент:

Думаешь, свежий воздух поможет тебе дышать свободнее? Или свист тормозов всё ещё стоит у тебя в ушах?

Пальцы мгновенно похолодели.

Это был он. Тот же аноним, что и утром.

Снова звук уведомления.

Ты можешь прятаться за глупыми шутками Нейтана, можешь делать вид, что ты выше всех. Но каждую ночь, когда ты закрываешь глаза, ты снова за рулём. Ты снова видишь её. Ты слышишь, как хрустит бампер, Оливия? Я сделаю так, что этот звук станет твоей единственной любовной песней. Ты заплатишь за каждую секунду её прерванного дыхания.

Сердце стучит так сильно, будто бы готово разбиться о ребра, я чувствую, как земля уходит из-под ног, а перед глазами всё плывет.

То дождливое утро шесть лет назад, превратившее мою жизнь в ад, проносится вспышкой. Я не знала, кем была эта девочка. Черт возьми, я до сих пор не знаю её имени, потому что

сбежала, повела себя, как трусиха и теперь этот грех гниет во мне с семнадцати лет! Но откуда *он* знает? Откуда аноним знает детали, о которых не ведала даже полиция?

Взгляд судорожно скользит по строчкам.

Кто это? Кто-то из свидетелей? Кто-то, кто стоял в ту ночь в тени деревьев и наблюдал за происходящим? Или тот, кто все эти шесть лет по крупицам собирал на меня компромат, выжидая идеального момента, чтобы нанести удар?

В горле встает удушающий ком. Я судорожно прижимаю телефон к груди, будто пытаюсь спрятать его от всего мира.

Кто бы ни писал эти сообщения, он знает мою самую страшную тайну. И он пришел за мной.

Глава 3

Как бы Рэйчел вместе с Нейтаном ни пытались уговорить меня пойти с их компанией в бар и расслабиться за парой коктейлей, я все же упрямо повернула ключ в замке зажигания и поехала домой. В висках привычно и тяжело нарастала глухая, пульсирующая боль. Из-за нее становилось мучительно трудно даже просто думать, не говоря уже о том, чтобы растрачивать остатки сил на их пустые, глупые разговоры и бесконечные сплетни. Я была абсолютно уверена, что прямо сейчас, звеня бокалами, они знатно перебивают кости Элиоту и его новой подружке. Честно сказать, у меня не было ни малейшего желания даже мысленно возвращаться к этой теме.

Загнав машину вглубь гаража, я выключила зажигание и наконец вышла на улицу.

Вечерний воздух встретил меня безупречной, почти звенящей прохладой. Огромный двор, скрытый от чужих глаз высокими стенами, тонул в мягких сумерках. Под ногами аккуратной змейкой вилась дорожка из дорогого белого мрамора, подсвеченная идеальными линиями скрытых дизайнерских фонарей. Вокруг расстился безукоризненный, словно сошедший с обложки журнала изумрудный газон, а в центре едва слышно, ровно и чинно плескалась вода в фонтане из темного гранита. Сам особняк был величественный, из светлого тесаного камня, с огромными панорамными окнами во всю стену, возвышался впереди как символ абсолютного, непоколебимого успеха. За стеклами можно было увидеть просторные залы, антикварную мебель и безупречно выверенный интерьер, стоивший целое состояние. Здесь все буквально кричало о богатстве, роскоши и благополучии.

Но, окинув взглядом этот безупречный пейзаж, я почувствовала лишь привычную, липкую пустоту. Этот идеальный двор и этот роскошный дом, похожий на музей, больше не имели надо мной никакой власти. Они не делали меня счастливой ни на одну секунду. За каждым безупречным фасадом, за каждой дорогой вещью скрывался лишь холод одиночества. В этом месте было все, что можно купить за деньги, но не было самого главного — здесь не было любви.

В двенадцать лет весь мой мир с треском рушился прямо на пороге дома. Мать с искаженным от ярости лицом, тяжело дыша, рвала в клочья мои школьные тетради, швыряя обрывки мне под ноги. Белые хлопья бумаги кружились в воздухе, словно злой зимний снег. Мое преступление? Четверка с минусом за контрольную работу. Оценка, которая в ее представлении приравнивалась к фамильному позору, ведь Эшкрофты не имели права получать ничего, кроме абсолютного максимума.

В шестнадцать этот ледяной перфекционизм сменился равнодушным откупом. В день моего рождения отец просто прошел мимо в прихожей, на ходу швырнув мне в руки тяжелую связку ключей. Металл больно обжег ладонь. Пока я ошарашенно хлопала ресницами, пытаясь осознать, что новенький глинец автомобиля на подъездной дорожке принадлежит мне, входная дверь уже захлопнулась. Отец спешил на очередную важнейшую деловую встречу.

Зато вечером того же дня на праздничном приеме декорации сменились с кинематографичной быстротой. Мои родители безупречно разыгрывали спектакль под названием «Мама, папа, я — счастливая семья».

Вспышка этого воспоминания до сих пор отзывалась в моей голове удушливым, ядовитым эхом. Я словно наяву слышала жеманный, хрустальный голос матери:

— Наша Оливия — большая умница, — она лучезарно улыбалась кругу таких же чопорных, упакованных в дизайнерские шелка снобов, как и она сама. В этот момент ее пальцы перехватили мою ладонь. Она принялась размеренно поглаживать мой большой палец — механический, заученный жест, который ощущался настолько чужеродным и неестественным, будто меня трогал манекен. — Она выиграла международный конкурс арфистов, но, признаться, мы и не ждали от нее чего-то другого. Эшкрофты всегда были и будут лучшими.

Каждое слово она проговаривала с таким уловимым, порочным самодовольством, а ее идеальные виниры сияли такой фальшью, что к горлу подкатывала тошнота.

С годами истина обнажилась до основания: любовь моих родителей была лишь глянцевой брехней. Если они и питали ко мне какие-то чувства, то прятали их так глубоко, что разглядеть их было невозможно. Чего нельзя было сказать об их истинных божествах, а точнее статусе, деньгах и безупречной репутации. Вот за эту триаду они были готовы перегрызть глотку любому. И меня они уничтожили бы первой, посмей я хоть на миллиметр испортить их идеальный фасад. Почти уничтожили.

Вынырнув из тяжелых мыслей, я повернулась к дому. Уже на подходе к массивной дубовой двери мое внимание привлек глухой, мерный рокот. Наш садовник Кевин активно толкал перед собой газонокосилку, срезая миллиметры с и без того безупречного, изумрудного ковра. На взгляд любого нормального человека лужайка была идеальной, но «недостаточно идеальной», как непременно процедила бы сквозь зубы мама.

Я сменила направление и пошла по мраморной плитке в его сторону, чувствуя, как с лица невольно сползает маска безразличия. Я искренне улыбнулась. Кевин всегда был моим единственным островком тепла в этом замке из чистого льда. Родом из солнечной Мексики, невысокий, коренастый, он обладал удивительным даром: в его глубоких, карих глазах светилась подлинная, чистая любовь к этому миру и к самой жизни. Именно за эту неподдельную, искрящуюся человечность я им и дорожила.

— Привет, Кевин! — тепло окликнула я его, останавливаясь у края газона. Смерив взглядом проделанную им колоссальную работу, я лишь сильнее убедилась, насколько глубоко укоренился безумный перфекционизм моей матери в каждом, кто здесь работал. — Тебя еще не отпустили? Уже ведь совсем поздно, солнце село.

— Ох, Оливия, милая, здравствуй! — Кевин мгновенно заглушил мотор, и над садом повисла благословенная тишина.

Его добрые глаза засияли ярче полуденного солнца, а улыбка стала теплее, чем утреннее солнце над родным Веракрусом. От его фигуры веяло таким домашним, искренним добродушием, что в этот момент мне до слез захотелось просто по-детски его обнять.

— Тебе разве сеньор и сеньора не сказали? — удивленно приподнял он брови, вытирая пот со лба потрепанной кепкой. — Они уехали на полторы недели в Лондон, в командировку. Мне оставили вот такой длинный список дел на это время, так что приходится задерживаться, чтобы все успеть к их возвращению.

Сердце болезненно сжалось. Я прекрасно знала, что по ту сторону города Кевина ждет уютный, хоть и небогатый дом, любящая жена и маленькая дочка, в которой он души не чаял. И пока мои родители покупали себе новые авиабилеты первого класса, этот человек тратил свои бесценные часы на выравнивание травинки под линейку.

Если уж хозяева покинули свое поместье, то почему бы мне не взять власть в свои руки? — промелькнула дерзкая, но удивительно приятная мысль.

— Кевин, посмотри на наш двор, — я обвела рукой пространство. — Он выглядит безупречно, и это исключительно твоя заслуга. Пожалуйста, выключай технику и иди домой, к семье.

— Ну что ты, Оливия, я так не могу, сеньора Эшкрофт проверит каждый угол... — попытался было отмахнуться он, боязливо глядя на окна особняка.

Но я сделала шаг вперед и мягко, но решительно положила ладонь на ручку газонокосилки, останавливая его. Мой взгляд стал предельно серьезным.

— Я ничего не скажу родителям, Кевин, обещаю. Пусть хотя бы эти полторы недели твоя дочка засыпает, видя папу дома, а не только по выходным. Порадуй семью ранними возвращениями.

Кевин замер. В его глазах, засиявших еще ярче от подступивших слез, отразилось чистое, неподдельное облегчение. Он благодарно прижал руки к груди:

— Спасибо тебе, Оливия... Я всегда знал, какое у тебя чуткое, доброе сердце. Рад, что не ошибся в тебе, милая.

— И тебе хорошего вечера, Кевин. Береги себя, — ответила я, ощущая, как внутри впервые за этот долгий день разливается настоящее, живое тепло.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за моей спиной, отсекая холодный внешний мир, и я сразу же направилась к массивной мраморной лестнице. Каждый шаг по ступеням отзывался в ушах глухим эхом, но я точно знала куда иду. В мыслях была лишь одна отчаянная, эгоистичная мечта — утонуть в густой, теплой пене, смыть с себя этот день и включить негромкий, обволакивающий джаз. Разве это не идеальный сценарий вечера?

Именно так я и поступила. Вода с мягким шумом наполняла белоснежную ванну, пар лениво поднимался к высокому потолку, заполняя комнату ароматом лаванды. Я опустилась в блаженное тепло, вытянулась и слегка прикрыла глаза, позволяя мышцам наконец-то расслабиться. Это мог бы быть самый лучший, самый спокойный вечер за последнее время. Редкий момент, когда я не чувствовала себя умалишенной. Если бы не одно проклятое «но».

Она снова, блять, была здесь.

— Почему ты не выполняешь обещания, Оливия? — ледяной, едва уловимый шепот прозвучал у самого моего уха, заставив волоски на коже встать дыбом.

Я резко разлепила веки. Сердце испуганной птицей забило в грудной клетке. Ошарашенно поднявшись на локтях, я расплескала воду и диким взглядом обвела помещение.

Она сидела прямо на широком борту белоснежной ванны. На ее лице блуждала умиротворенная, пугающе безмятежная улыбка, будто бы в ее призрачном мире вообще не существовало забот. Но это было ложью. Настоящей, страшной ложью, ведь по какой-то необъяснимой причине она раз за разом приходила именно ко мне.

— Я не хотела, чтобы все так произошло, — хрипло выдохнула я, и мой голос сорвался. Я говорила чистую правду. Если бы у меня была хоть какая-то суперсила, я бы, не задумываясь, перемотала время назад и никогда, ни за что в жизни не села бы в ту чертову машину. — Но я хочу жить, понимаешь? Я просто хочу жить!

Господи, почему я вообще с ней разговариваю? Ее здесь нет, Оливия. Ты сходишь с ума. Я зажмурилась, изо всех сил сжимая веки, и зашептала про себя, как заклинание. *Ее нет. Ее нет. Ее нет. Ее нет. Ее нет.*

Я открыла глаза, надеясь увидеть пустую комнату, но реальность с треском треснула. Она стояла вплотную. Прежде чем я успела вскрикнуть, я отчетливо ощутила мертвую, осязаемую хватку ее пальцев на своих плечах.

— Я тоже хотела, — тихо обронила она.

В следующую секунду мир перевернулся. Пронзительным, яростным рывком она увлекла меня, утягивая под воду. Ледяной страх сковал легкие, вода хлынула в лицо, отрезая кислород и заглушая звуки. Она душила меня на самом дне моей собственной ванны. Задыхаясь, я лишь успела судорожно задержать дыхание. Мои руки в панике взметнулись вверх, ногти скребли по гладкому кафелю и скользким бортам, пытаясь ухватиться хоть за что-то устойчивое, но пальцы лишь беспомощно ловили воздух.

Секунды растягивались в мучительную вечность. Легкие горели, в глазах начали вспыхивать багровые круги, и я отчетливо поняла: еще мгновение, и я сдамся.

В этот самый момент теплые, живые руки резко потянули меня наверх. Вода с плеском хлынула во все стороны. Я судорожно заглатывала воздух, кашляя и задыхаясь, пока кто-то неистово тряс меня за плечи.

Предо мной стояла Сьюзен, наша домработница. Ее лицо было бледным, как полотно, расширенные от ужаса и шока глаза лихорадочно бегали, а руки крупно дрожали, все еще сжимая мои мокрые плечи.

— Мисс Эшкрофт, что с Вами?! Вы в порядке? — ее голос дрожал от неподдельного испуга. Она держала меня так крепко, словно я могла раствориться, а ее суровый, пронзительный взгляд буквально буравил во мне дыру, пытаюсь докопаться до правды.

Я же, не обращая на нее внимания, дико оглядывала ванную комнату. Взгляд метался по углам, по запотевшему зеркалу, по струям стекающей воды. Было ли здесь чужое присутствие? Исчезла ли она?

— Здесь... здесь никого больше не было? — я уставилась на Сьюзен.

Но в ту же секунду в моей голове щелкнул тумблер самосохранения. Я увидела, в каком шоке находится женщина, и мгновенно вспомнила, насколько тесно и преданно она связана с моими родителями. Еще лишнее слово и завтра я буду сидеть на приеме у психиатра.

Лицо само собой растянулось в беззаботной улыбке. Я хрипло, но заливисто рассмеялась и мягко похлопала Сьюзен по подрагивающему плечу.

— Да я пошутила, Сьюзен! Боже, ну ты и испугалась, — мой голос звучал на удивление уверенно. — Я просто решила проверить один безумный лайфхак из Reels. Seriously, не видела? Там говорили, что чем дольше задерживаешь дыхание под водой, тем сильнее очищаются легкие. Вот я и увлеклась.

Домработница замерла. Ее подозрительный, тяжелый взгляд медленно скользнул по моему мокрому лицу, оценивая степень лжи. Но правила игры в этом доме были строгими. Спустя секунду она нацепила свою привычную, вежливую маску и мягко улыбнулась, с готовностью включаясь в наш семейный театр абсурда.

— Нет, мисс Эшкрофт, не видела, — тихо ответила она. Развернувшись к выходу, Сьюзен остановилась у самого порога и обернулась с заботливым видом.

— Сделать Вам чашку теплого ромашкового чая?

Я выдохнула и выдавила самую милую улыбку, на которую была способна:

— Спасибо.

Дверь закрылась, и я осталась одна. Улыбка мгновенно сползла с моего лица, оставив лишь каменную маску. Мне ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя показывать свою слабую сторону. В этом проклятом особняке у стен были и уши, и глаза. Так что этот чертов вопрос с ее визитами мне нужно решить как можно скорее, пока они не уничтожили меня окончательно.

Я пулей выскочила в коридор и почти бегом бросилась в свою комнату, спасаясь от собственных мыслей.

Упав в кресло перед компьютером, рваным движением нажала кнопку питания и замерла, гипнотизируя взглядом открывшееся окно браузера. Пальцы зависли над клавиатурой. Как сформулировать то, от чего бросает в дрожь? Что делать, если видишь человека, которого нет? Ну полный бред.

Я зажмурилась и принялась ожесточенно тереть виски, пока свободная рука нервно отбивала дробь по столешнице.

— Ну же, Оливия, думай, — процедила я сквозь зубы.

Глаза распахнулись. Эврика! Пальцы яростно забарабанили по клавишам, вбивая в поисковую строку: «лечение зрительных галлюцинаций». Ссылка за ссылкой, взгляд зацепился за аккуратный, вызывающий доверие сайт какой-то частной клиники. В медицинской статье черным по белому было написано, что в моей ситуации эффективным решением может стать алпразолам. Но тут же следовала отрезвляющая приписка: «Отпускается строго по рецепту».

К горлу подкатил ком. Пойти к врачу? Исключено. Психиатр сразу передаст карту родителям, а этого просто нельзя допустить. В ту же секунду в голове вспыхнуло имя. Джейсон.

Точно. Местный университетский дилер. Вечно зашуганный, в нелепых очках, но если кому-то на потоке были нужны трава или колеса, все шло к нему. Достать рецептурный препарат для такого парня пара пустяков. Его предки местные врачи в городской больнице, а старший брат дружит с каким-то богатеньким дилером. Тот, похоже, решил взять с него пример и начал крутить схему в университете.

Я быстро отыскала его профиль на фейсбуке. Аккаунт был закрыт, кнопка «Написать сообщение» отсутствовала.

— Ну конечно, конспиратор хренов, — пробормотала я, но все же отправила запрос в друзья.

Уже собравшись встать за кофе, чтобы хоть как-то унять дрожь в руках, как ноутбук звякнул уведомлением. Принял. И тут же прислал в личные сообщения лаконичный, как выстрел, вопросительный знак.

Оливия:

Джейсон, привет. У меня есть огромная просьба, но это не для переписки. Дай свой номер.

Ответ прилетел мгновенно, сочась ядом.

Джейсон:

С чего вдруг сучке Оливии что-то понадобилось от такого, как я?

Оливия:

Я заплачу.

Экран мигнул набором цифр. Не теряя ни секунды, я схватила мобильный и набрала номер. В трубке послышались глухие гудки, а затем настороженное, слегка хриплое:

— Аллю?

— Джейсон, это Оливия. Ты можешь достать один рецептурный препарат? Это вопрос жизни и смерти, правда.

— Ну, допустим, могу, — парень хмыкнул на том конце провода. — А тебе зачем?

— Уж точно не для кайфа, — я закатила глаза, чувствуя, как закипает раздражение. — Подожди, сейчас найду название...

Из трубки донеслось лишь неопределенное мычание.

— Во, нашла. Алпразолам. Я заплачу в два раза больше, обещаю, только достань.

Джейсон замолчал, а затем шумно, с надрывом прокашлялся.

— Тебе че, Ксанакс нужен, что ли? — в его голосе прорезался издевательский смехок. — А говорила не для кайфа. Ну ты даешь, Оливия.

— Ты что, совсем дебил придурочный?! — округлив глаза от возмущения, я прикрикнула. — Мне для лечения надо!

Ее праведный гнев только сильнее рассмешил парня. Трубка буквально заходила от его хохота.

— Да-да, конечно, все вы лечитесь. Ладно, мне без разницы. Переводи деньги. Сумму и счет скину в чат. Завтра в девять утра на парковке.

— Спасибо. Все сделаю. До завтра! — выдохнула я и сбросила вызов.

Экран телефона тут же загорелся от нового уведомления. Джейсон прислал номер банковской карты и сумму в тридцать пять долларов. Я открыла банковское приложение и, не раздумывая, вбила в строке перевода ровно сто. За тишину и скорость нужно платить.

Удивительно, но стало легче. Осознание того, что скоро этот кошмар закончится стал глотком свежего воздуха.

Ровно в девять утра я уже стояла на университетской парковке возле своей машины. Прохладный утренний воздух заставлял поеживаться, но я упрямо выпрямляла спину, кутаясь в черный свитер с открытыми плечами, который так удачно сочетался с прямыми светлыми джинсами. Нервно мечась туда-сюда, я выстукивала леопардовыми каблуками рваный, тре-

вожрый ритм. Взгляд то и дело падал на циферблат наручных часов. Стрелки словно застыли, превращая каждую минуту в бесконечный мучительный час.

Внезапное прикосновение к плечу заставило меня вздрогнуть. Я тихо вскрикнула и резко обернулась.

Напротив стоял Джейсон. Надвинутый на самые глаза капюшон серого худи делал его похожим на того самого странного, нелюдимого парня, который вечно отсиживается на задней парте. Не произнося ни слова, он молча сунул мне в руки небольшую упаковку с лекарством и тут же развернулся, растворяясь в утренней суете. Я лишь удивленно приподняла бровь, пораженная этой немой сценой, и поспешно спрятала заветную пачку на дно сумки.

Развернувшись, я уже собиралась направиться к главному корпусу университета, где вовсю кипела жизнь, как вдруг чья-то железная хватка резко дернула меня за локоть, разворачивая обратно.

Да твою же мать.

Конечно, это был Элиот. Его глаза пылали яростью, причину которой я никак не могла понять, а брови сердито сошлись на переносице. Но даже в гневе, видит бог, он выглядел безупречно. Окинув его быстрым взглядом, я с глухим раздражением отметила, как сильно он изменился. Черт, да он действительно возмужал. Сквозь полурасстегнутые пуговицы рубашки угадывалось подтянутое, спортивное тело, а ткань рукавов плотно обтягивала рельефные бицепсы.

Возьми себя в руки, Оливия.

С силой вырвав локоть, я ответила ему таким же ледяным, полным злости взглядом и, опережая его выпад, яростно гаркнула:

— Какого хрена ты делаешь?

Элиот едва заметно сжал губы, а затем ответил с такой же неприкрытой злобой, едва удерживаясь от крика:

— Это ты ответь мне, какого хрена ты делаешь?!

От полного непонимания ситуации из моей груди вырвался нервный смешок. Я снова приподняла бровь:

— Что я делаю, прости?

— Я все видел. Что он тебе дал, Оливия? — его голос зазвучал громче, отчетливее, в нем зазвенели стальные нотки. — Ты вообще соображаешь, что он гребаный наркоман?

Несколько секунд я просто безмолвно хлопала ресницами, пытаюсь осознать сюрреализм происходящего. Элиот Хилл стоит здесь и отчитывает меня, как девчонку. Со стороны, конечно, все выглядело как передача чего-то незаконного, но с каких пор это вообще его касается? Вскипев, я окончательно перешагнула грань между спокойным тоном и криком:

— Тебе-то какая разница?!

— *Мне* есть разница, — отрезал он.

И это все, что он нашелся сказать?

— Вот и интересуйся тем, с кем общается твоя девушка, а ко мне не лезь!

— Ты моя студентка, Оливия, — Элиот осекся, сделав короткую паузу, и его голос внезапно стал мягче. — Подожди. Какая еще девушка?

Я горько хмыкнула и выразительно закатила глаза:

— Спроси у Нейтана. Вчера он явно остался под глубоким впечатлением от вашей идиллии.

— Она не моя девушка.

— Меня это не волнует.

Я решительно сделала шаг вперед, намереваясь уйти, но он снова преградил мне путь, полоснув по мне властным взглядом:

— Я больше повторять не буду. Чтобы я не видел тебя рядом с ним. Он тебе не ровня.

— Отвали.

В этот раз он не стал меня удерживать. Оставив его позади, я быстрым шагом направилась в аудиторию. Едва опустившись на свое место, я достала телефон и вбила в поисковую строку: «Алпразолам, как правильно принимать».

Однако дочитать экран не дал резкий вспыхнувший сигнал уведомления. Сообщение было от Джейсона. Короткие строчки гласили, что он больше не намерен мне помогать.

Сердце пропустило удар. Да какого черта?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.